

Проблема « условного безсмертія »

(ИЗЪ ВВЕДЕНІЯ ВЪ ЭСХАТОЛОГІЮ)

Часть I.

1.

Вообще область эсхатологіи менѣе всего отличается движеніемъ богословской мысли. Даже на западѣ, гдѣ, начиная съ эпохи реформациі, богословіе сдвинулось съ мѣста и, худо-ли хорошо-ли, проявляетъ новую жизнь въ разныхъ областяхъ, менѣе всего это примѣнимо къ эсхатологіи. Можно скорѣе говорить здѣсь объ извѣстномъ эсхатологическомъ нечувствіи, которое проявляется или въ традиціонномъ повтореніи того, что въ такомъ видѣ неповторимо, или же въ легкомъ принятіи безболѣзненныхъ разрѣшеній такъ называемаго универсализма. Преобладаютъ два типа эсхатологическаго мышленія: уголовный кодексъ во всей свирѣпости, или же благодушная амнистія, являющаяся фактическимъ уклоненіемъ отъ всѣхъ трудностей проблемы. Первый путь все болѣе становится фактической невозможностью въ наши дни, ибо утратилъ свою внутреннюю убѣдительность; второй представляетъ собою не преодоленіе, но простое отрицаніе перваго (не говоря уже о серьезныхъ библейскихъ и богословскихъ его трудностяхъ). Предъ лицомъ обоихъ типовъ: средневѣковой ортодоксіи и гуманистическаго универсализма, возникаетъ вопросъ о возможности иного, третьяго, пути, который, соединяя преимуществъ, былъ бы свободенъ отъ слабостей обоихъ, нѣкоего *tertium*. Такимъ образомъ, изъ отрицанія обоихъ членовъ эсхатологической дилеммы возникаетъ во второй половинѣ XIX вѣка богословское ученіе, именующее себя теоріей «условнаго безсмертія» или кондиціонализма. Оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія уже потому, что съ ра-

дикальной остротой ставить вопрос о безсмертіи и вѣчной жизни, этотъ предварительный вопросъ всякой эсхатологии. Для однихъ человѣкъ — смертенъ, какъ животныя, и потому смерть есть нѣкое уничтоженіе; отсюда съ очевидностью слѣдуетъ отрицательная эсхатология пустоты. Такова нынѣ распространенная вѣра атеистическаго невѣрія (ибо, конечно, и невѣріе здѣсь есть лишь разновидность вѣры по характеру этого вопроса, не допускающаго рационально доказуемаго разрѣшенія). Или же человѣкъ безсмертенъ, принадлежитъ вѣчности, и эсхатология пытается опредѣлить содержаніе этой вѣчности. Въ теоріи кондиціонализма мы имѣемъ еще третью альтернативу: человѣкъ не имѣетъ природнаго безсмертія, но можетъ получить его или же не получить. Безсмертіе обусловлено, оно дается или же не дается въ зависимости отъ опредѣленныхъ условій. Такова постановка эсхатологической проблемы, которую мы имѣемъ въ «кондиціонализмѣ». Невозможно обойти ее молчаніемъ, съ нею отсчитавшись¹⁾.

Теорія «кондиціонализма» въ качествѣ замѣтнаго теченія богословской мысли появляется во второй половинѣ XIX вѣка, въ Европѣ и въ Америкѣ, разумѣется, преимущественно, даже почти исключительно, среди протестантскихъ богослововъ, несвязанныхъ традиціонной ортодоксіей. Оно насчитываетъ среди своихъ сторонниковъ цѣлый рядъ видныхъ богослововъ и философовъ (среди послѣднихъ, на примѣръ, Ренувье). Руководящими основоположниками здѣсь являются два протестантскихъ пастора: англичанинъ E. White²⁾ и швейцарецъ Petavel-Olliff³⁾, къ которымъ примыкаютъ ихъ многочисленные послѣдователи⁴⁾. Сочиненія обоихъ, при извѣстной богословской примитивности, отличаются тѣмъ не менѣе не заурядной силой убѣжденія, а по-

1) Въ русской богословской литературѣ единственное изложеніе теоріи кондиціонализма попутно даетъ проф. Н. Н. Голубовскій. Благовѣстіе ап. Павла, т. I, гл. V, стр. 571-591.

2) Edward White. Life in Christ (A Study of the Scripture doctrine of the nature of man, the object of the divine incarnation, and the conditions of human immortality. 3-d ed. London 1878. Французскій переводъ: L'immortalité conditionnelle ou la vie en Christ. Paris (1880 (цитаты дѣлаются по этому переводу).

3) E. Petavel-Olliff. Le problème de l'immortalité. Vol. I-II. Paris 1891-1892.

4) Библиографія, см. у White, l. c. (англ.), у Petavel-Olliff, l. c. Alger. A Critical History of the doctrine of a Future Life. Philadelphia 1864 (исчерпывающая библиографія). G. Runze. Immortality въ The New Staff. — Herzog Encyclopedia of Religious Knowledge, vol. V. Fulford. Conditional Immortality въ Encyclopedia of Religion and Ethics by Hastings, v. III.

тому и убѣдительности. Они предлагаютъ кондиціонализмъ не только какъ богословскую истину, принятіе которой указывается откровеніемъ, но и какъ спасительную идею, которая одна лишь способна освободить современное христіанство отъ соблазнительной безотвѣтности относительно вѣчной жизни, ибо отъ этой безотвѣтности страдаетъ и христіанская жизнь и въ особенности христіанская миссія. Согласно теоріи условнаго безсмертія, удѣломъ челоувѣчества въ вѣчной жизни будетъ райское блаженство, и этимъ осуществится пророческое слово апостола, что будетъ Богъ все во всѣхъ. Однако, въ этомъ блаженствѣ примутъ участіе только праведники, его достойные. Грѣшники же, до конца противящіеся волѣ Божіей, умрутъ, обратившись въ ничтожество, не получатъ удѣла безсмертія. Такова основная мысль. Обратимся къ ея богословскому обоснованію.

2.

Человѣкъ созданъ былъ въ отличіе отъ животныхъ, которые имѣютъ лишь родовую жизнь («по роду» ихъ: Быт. 1, 21, 24-5), имѣющимъ личную ея энергію, которая осуществляется въ личномъ безсмертіи. Человѣкъ не сотворенъ смертнымъ по естеству, напротивъ, онъ имѣетъ возможность безсмертія — *posse non mori*, по сотворенію⁵⁾). Это безсмертіе свойственно челоувѣческому духу, подобному духамъ безплотныхъ. Однако челоувѣкъ отличается отъ духовнаго міра сложностью своего состава, именно онъ сотворенъ не какъ безплотный духъ, хотя и сущій въ тварномъ мірѣ, но пребывающій надъ этимъ міромъ. Онъ есть духъ воплощенный, связанный съ міромъ. Возможность смерти подстерегаетъ эту сложность не со стороны «безсмертія души», но со стороны жизни цѣлаго челоувѣка, для котораго смерть не есть возвращеніе въ небытіе, но нѣкое развоплощеніе, разрывъ съ міромъ, онтологическая катастрофа. Тѣло отнюдь не есть причина смерти, но, напротивъ, условіе жизни челоувѣка, данное ему Богомъ при твореніи. Этой сложностью челоувѣкъ отличается одинаково и отъ безплотнаго міра, не знающаго воплощенія, и отъ животнаго міра, не имѣющаго духа, но лишь «душу живу», ту животную душу, которую, вмѣстѣ съ нимъ, имѣетъ и челоувѣкъ. Эту связь духа и тѣла, сверхприродна-

⁵⁾ Католическая доктрина (см. Scheeben. Handbuch der Dogmatik, В. II, § 165 fg.) считаетъ *posse non mori* не природнымъ, но сверхприроднымъ, благодатнымъ даромъ, ибо тѣло само по себѣ содержитъ начало смерти и разложенія, — здѣсь мы имѣемъ отголоски манихейзма и платонизма, а вмѣстѣ предугадывается путь кондиціонализма.

го и природнаго бытія, которая дана была при твореніи, долженъ былъ закрѣпить человѣкъ силою своего свободнаго и творческаго духа, возведя свое бытіе къ высшему состоянію положительнаго безсмертія. Это было связано съ опредѣленнымъ его отношеніемъ къ Богу (что символически выражено въ заповѣди невкушенія плодовъ отъ древа познанія добра и зла), какъ и въ опредѣленномъ положительномъ отношеніи къ міру (что выражено во вкушеніи плодовъ отъ древа жизни). Изначальное устройство не отличало человѣка отъ міра, и міроотречность не была ни цѣлью, ни основаніемъ безсмертія. Напротивъ, должная связь съ міромъ, включенная въ должную связь съ Богомъ, была необходимымъ условіемъ жизни человѣка на пути къ положительному завоеванію, *per posse mori*, хотя мы и не знаемъ, какъ бы оно осуществилось. Но произошло грѣхопаденіе. Человѣкъ потерялъ неустойчивое онтологическое равновѣсіе сложнаго своего существа. Въ міръ вошла смерть, человѣческая смерть, которая глубоко отлична отъ смерти, господствующей въ животномъ мірѣ, при всемъ внѣшнемъ сходствѣ. Ибо смерть человѣка не есть смерть въ строгомъ смыслѣ, но онтологическій разрывъ его единого существа на два начала, въ него входящія. Черезъ смерть человѣкъ внѣшне приравнивается животному міру, которому онъ не равенъ, хотя плотской стороной своего существа къ нему и принадлежитъ; онъ приравнивается и безплотному міру, къ которому онъ также не принадлежитъ, хотя и сроденъ съ нимъ духовной стороной своего существа. Смерть есть не прекращеніе человѣческаго бытія, но катастрофическое какъ бы расчеловѣченіе человѣка, утрата имъ своей цѣлости.

Кондиціонализмъ отрицаетъ коренное различіе, существующее между человѣкомъ и животнымъ міромъ, какъ по соображеніямъ біологіи (здѣсь мы имѣемъ прямое вліяніе дарвинизма и вообще біологическаго эволюціонизма), такъ и своеобразной экзегетики. Человѣкъ сотворенъ, по нему, «въ душу живу», одинаково съ животными, и различіе между ними есть не качественное, но количественное: человѣкъ имѣетъ такую же животную душу, какъ животныя, только обладающую извѣстными свойствами. Именно — языкъ, да моральное и религіозное чувство отличаютъ человѣка отъ животныхъ. Такимъ образомъ, жизнь одинакова для человѣка и животныхъ, также одинакова и смерть ихъ или смертность. «Въ Ветхомъ Завѣтѣ душа и жизнь (*perhesh*), приписываемая человѣку, часто приписываются и животнымъ». «Мы должны или раздѣлить безсмертіе съ нашими сосѣдями животнаго царства, или же пожертвовать

нашими собственными надеждами и признать себя смертными, как и они»⁶⁾. «Образъ Божій въ человѣкѣ не есть нечто онтологическое, но «тѣнь», l'ombre n'est pas la réalité⁷⁾, ombre de ressemblance, — l'ombre n'est pas l'identité⁸⁾. «Образъ Божій» въ Адамѣ состоялъ въ способности понимать и подражать своему Творцу, и такимъ образомъ моральнымъ путемъ возвышаться къ безсмертію»⁹⁾. Человѣкъ не сотворенъ безсмертнымъ, но онъ есть «кандидатъ къ безсмертію». Безсмертіе абсолютное можетъ быть свойственно одному Богу, условное же свойственно человѣку. Сила смерти одинакова для человѣка и животныхъ: это есть уничтоженіе жизни, разрыва жизненнаго единства, разложеніе полное и окончательное всего природнаго комплекса, одновременное разрушеніе тѣла и души, «аннигиляція субстанціи»¹⁰⁾, упраздненіе личности. Вліяніе платонизма¹¹⁾ съ его ученіемъ о безсмертіи души, какъ и «l'immortalité inconditionnelle et impie de religions panthéistes», извратили это прямое пониманіе смерти какъ полнаго уничтоженія, несмотря на то, что изъ 600 случаевъ упоминанія о душѣ въ Библии ни разу не говорится о душѣ безсмертной¹²⁾ (но ни въ одномъ случаѣ не говорится и о смертной). Поэтому и угроза смерти человѣку въ раю въ случаѣ его непослушанія означала не какую-либо «духовную смерть», но немедленное и полное уничтоженіе. «Смерть могла означать и для Адама лишь то, что называлось этимъ именемъ въ животномъ царствѣ». «Изначальная угроза предсказывала неминуемую смерть»¹³⁾.

Итакъ, человѣку было дано условное безсмертіе. Оно было обусловлено исполненіемъ воли Божіей. Это продолженіе существованія зависѣло отъ матеріальной пищи, вкушенія плода отъ «древа жизни»¹⁴⁾, котораго лишень былъ человѣкъ за непослушаніе. Человѣкъ палъ, и слѣдствіемъ этого должна была наступить немедленная смерть, которая

6) White, l. c., 19, 89.

7) Petavel-Olliff, 11, 399.

8) Ibid., 440.

9) White, 87.

10) White, 92-3, 100-1, Petavel-Olliff, 1, 97: La suppression totale de tel ou tel individu est une notion qui se laisse très bien concevoir (!). «Богъ не говоритъ Адаму: «твое тѣло умретъ», но «ты умрешь» (103).

11) Petavel-Olliff, 1, 158.

12) Ibid., 1, 163; 11, 147.

13) White, 96, 107.

14) White, 87. Мифологическій образъ древа жизни здѣсь истолковывается какъ природно-магическое средство безсмертія. Въ этомъ же смыслѣ сопоставляется съ нимъ и апокалиптическое древо жизни въ Новомъ Иерусалимѣ. Откр. 22, 2; 27.

тѣмъ самымъ сдѣлала бы невозможнымъ существованіе человѣческаго рода, ибо онъ пресѣкъся бы въ родоначалникѣ. Однако этого не послѣдовало: исполненіе смертнаго приговора было отсрочено. Это произошло силою искупленія: «въ моментъ паденія началось искупленіе»¹⁵). «Если бы фатальный приговоръ имѣлъ свое немедленное дѣйствіе, мы всѣ были бы мертвы въ Адамѣ, или, вѣрнѣе, мы никогда бы не были рождены. Слѣдовательно, само существованіе нашего рода есть благодать»¹⁶). Богъ не исполнялъ своей педагогической угрозы, оказавшейся своего рода *ria fraus*. Смерть не только была вообще отсрочена, но оказалась не той полной смертью, которая угрожала. Именно, вмѣсто разрушенія личности, «при смерти индивида его духъ сохранился въ цѣлости, чтобы соединиться съ тѣлсмъ въ день суда. Это выживаніе души мы приписываемъ исключительно искупленію»¹⁷), дѣйствіе котораго, такимъ образомъ, предвѣряется во времени. «Искупленіе же есть не что иное, какъ соединеніе человѣчества съ Божествомъ, существа, нарушившаго законъ, съ верховнымъ Законодателемъ»¹⁸).

3.

Боговоплощеніе, пріятіе Сыномъ Божиимъ, Логосомъ, человѣческой плоти имѣетъ цѣлью искупленіе и примиреніе человѣка съ Богомъ, жертвой Безгрѣшнаго, Его страданія и крестной смертью. «Цѣль искупленія — сдѣлать человѣка безсмертнымъ»¹⁹). «*Le chemin de l'immortalité passe par Gethsémane et par Golgotha. On cherchait en vain autre route*»²⁰).

«Согласно господствующей догматикѣ, если тѣло человѣка смертно, его душа, образующая его личность, естественно, безсмертна или вѣчна. Искупленіе не предназначено измѣнить природу или длительность этого духовнаго элемента. «Воскресеніе тѣла» во славѣ есть обстоятельство акцидентальное и второстепенное для спасенія. Величіе этого спасенія состоитъ въ избавленіи души отъ «грядущаго гнѣва» или вѣчныхъ мукъ. Подобное избавленіе означало божественное искупленіе, жертву Агнца Богу. — Эти идеи кажутся намъ противными Писанію. Согласно библейскому ученію, искупленіе имѣетъ прямымъ предметомъ измѣнить

¹⁵) White, 107.

¹⁶) White, 110.

¹⁷) Ibid., 111.

¹⁸) Ibid., 109.

¹⁹) White, 193.

²⁰) Petavel-Olliff, 1, 179.

нашу природу, перевести насъ не только отъ грѣха къ святости, но отъ смертности къ безсмертію, отъ смерти къ жизни» ²¹⁾).

Искуплѣніе состоитъ въ томъ, что прощается вина грѣха, но не устраняется наказаніе. «Исусъ искупилъ не все, такъ не говоритъ и Писаніе. Каждый изъ насъ страда, умирая, до извѣстной степени искупаемъ. Но разница, существующая между нашимъ искупленіемъ и содѣланнымъ Исусомъ Христомъ, въ томъ, что Онъ умеръ за виновныхъ, будучи невиннымъ... Только Его искупленіе имѣетъ значеніе предстательства. Грѣшникъ ожесточенный испиваетъ до дна чашу искупленія, застарѣлыя послѣдствія грѣха идутъ до полного уничтоженія его существа. Вѣчная смерть есть плата за его упорство: pour lui, par le fait, Jésus se trouvera n'avoir rien expié» ²²⁾).

Христосъ былъ воскрешенъ изъ мертвыхъ Духомъ Святымъ. «Будучи Богомъ, какъ человѣкъ, Онъ несомнѣнно былъ «подвластенъ закону» и умеръ въ качествѣ жертвы примиренія; какъ Богъ же Онъ былъ выше закона, наложеннаго на твари, и не могъ умереть. Вотъ почему, когда смертный приговоръ исполнялся надъ смертной природой, Божественный Гость, впитывая человѣческой духъ въ Свое собственное естество, имѣлъ власть возставить его развалины, «разрушенный храмъ», овладѣть имъ и «воскресить его въ третій день... Онъ побѣдилъ смерть, но не какъ «сынъ Адама», но какъ «Сынъ Вышняго», какъ Господь небесный» ²³⁾. Воскресеніе Христа является не имманентно-трансцендентнымъ, но всецѣло трансцендентнымъ актомъ всемогущества Божія. Наше собственное воскресеніе изъ мертвыхъ покоится на формальномъ и непогрѣшимомъ обѣщаніи Сына Божія. «Соединенные со Христомъ въ Его страданіяхъ и смерти, мы идемъ навстрѣчу тому дню, когда нашъ Спаситель, участвуя во всемогуществѣ, преобразитъ наше смертное тѣло по подобію своего славнаго тѣла. Отецъ, Сынъ и Духъ Св. соединятся въ исполненіи этого славнаго дѣла (Р. 8, 11). Всемогущество, которое проявилось въ сотвореніи міра и въ воскресеніи Христа, проявится въ осуществленіи и нашего собственного воскресенія. Если чудо сотворенія человѣка имѣетъ свой *raison d'être*, мы можемъ рассчитывать съ еще большимъ *raison d'être* на обѣщанное чудо, которое дастъ избраннымъ славные органы новой жизни» ²⁴⁾).

²¹⁾ White, 108.

²²⁾ Petavel-Olliff, 1, 141-2.

²³⁾ White, 233.

²⁴⁾ Petavel-Olliff, 1, 195.

Всеобщее воскресеніе предваряется двумя другими дѣйствіями боговоплощенія, еще прежде его совершенія. Первое изъ нихъ намъ уже извѣстно: это — отсрочка смерти прародителей послѣ грѣхопаденія, которая дала возможность произойти отъ нихъ человѣческому роду. Очевидно, эта отсрочка распространяется и на все грѣховное человѣчество, которое, будучи повиннымъ смерти за грѣхъ, однако, живетъ, хотя и въ предѣлахъ ограниченной, смертной жизни. Второе предвареніе силы боговоплощенія, еще болѣе поразительное, состоитъ въ томъ самомъ безсмертіи души за гробомъ, противъ котораго съ такой настойчивостью возстаютъ кондичионалисты. Они принуждены признать эту загробную жизнь души, какъ въ силу безспорныхъ данныхъ откровенія, такъ и по связи своей собственной системы²⁵). «Если какой-либо элементъ нашей природы переживаетъ въ первой смерти, это должно быть приписано единственно искупленію, которое дѣйствуетъ сверхъприроднымъ путемъ для сохраненія нашего духовнаго существа отъ разрушенія, для суда-ли, или для вознагражденія»... «Я обязываюсь Библией вѣрить, что души переживаютъ смерть... Вотъ какъ позволено представлять себѣ ихъ состояніе: однѣ спятъ; другія суть абсолютно безъ сознанія; иныя мыслятъ, воспринимаютъ, совершенствуются; иныя находятся въ печали и даже въ мукахъ, иныя блуждаютъ по землѣ въ состояніи даімоніа, иныя низвержены въ бездну, иныя содержались во адѣ до перваго пришествія Христова»²⁶). Загробное состояніе праведниковъ уже имѣетъ начало вѣчной жизни и безсмертія. Жизнь грѣшниковъ послѣ смерти имѣетъ цѣлю: 1) установленіе личнаго тожества того, кто грѣшилъ здѣсь и пробужденъ будетъ для суда; 2) для мукъ въ аду (11 Петр. 2, 9); 3) для исцѣленія отъ возстанія противъ Бога, когда оно имѣетъ извиненіе въ невѣдѣніи, чрезъ проповѣдь «духамъ въ темницѣ»; 4) для принятія высшаго наказанія, самаго торжественнаго и устрашающаго: первая смерть умерщвляетъ лишь тѣло; умертвить души у оставлено для смерти второй²⁷). «Предварительное страданіе есть добавленіе къ мукамъ; отчасти оно имѣетъ значе-

²⁵) Нѣкоторые кондичионалисты послѣдовательно приходятъ къ полному отрицанію у человѣка души въ иномъ смыслѣ, нежели она существуетъ у животныхъ и разлагается вмѣстѣ съ тѣломъ въ смерти. Таковъ Н. Constable Hades. Духъ, по К., есть частица божественнаго духа въ душѣ, которая отнимается со смертью. Человѣкъ полностью умираетъ въ смерти, и сознаніе пробуждается лишь въ воскресеніи.

²⁶) White, 278-81.

²⁷) Ibid., 281-2.

ніе наказанія, частью — убѣжденія. Оно оставляетъ мѣсто для раскаянія»²⁸⁾, это — родъ пургаторія. Въ общемъ загробное состояніе не останавливаетъ на себѣ особаго вниманія кондиціоналистовъ и понимается преимущественно какъ промежуточное между смертью и воскресеніемъ.

Воскресеніе является всеобщимъ, не только для добрыхъ, которые пробуждаются въ воскрешеніе живота, для вѣчной жизни, но и для злыхъ, которые пробуждаются въ воскрешеніе суда, для второй и окончательной смерти, для уничтоженія. Въ признаніи этого двойного исхода, безсмертія однихъ и полного уничтоженія другихъ, и заключается основная мысль кондиціонализма.

Условіемъ безсмертія является не какое-либо «онтологическое или физическое измѣненіе субстанции, но моральное состояніе души, въ которой вообразился Христось, и тѣмъ привлечено пребываніе Духа Св.²⁹⁾, даръ благодати. Для грѣшниковъ же наступаетъ неотвратимо вторая смерть и окончательное уничтоженіе чрезъ извѣстное, ближе не опредѣляемое, время послѣ суда. Возникаетъ общій вопросъ: есть-ли это уничтоженіе смертная казнь или самоубійство? Какъ ни странно, въ этомъ основномъ вопросѣ нѣтъ полной ясности, и отдѣльныя сужденія колеблются между этими обѣими возможностями. Иногда можно думать, что «вторая смерть» есть смертный приговоръ, который осуществляется не сразу и не въ короткое время, но втеченіе всей остающейся жизни, — какъ смертная жизнь наиболѣе квалифицированная³⁰⁾.

²⁸⁾ Petavel-Olliff, 11, 49.

²⁹⁾ White, 254-6.

³⁰⁾ Въ такомъ смыслѣ развивается эта мысль у White (478-90): «Удовлетвореніе или обнаруженіе свойствъ Божіихъ есть первая и послѣдняя цѣль творенія и провидѣнія. Такова здравая философія наказуемости, которая, устраняя надежду на всеобщее спасеніе, устанавливаетъ торжественную доктрину воздаянія. Всѣ нераскаянные имѣютъ дать отвѣтъ своему Творцу въ своемъ тѣлѣ и душѣ, и ихъ судьба будетъ опредѣлена смертнымъ и окончательнымъ приговоромъ. Благо всеобщее будетъ принято во вниманіе. Но тотъ, кто упорствовалъ въ непослушаніи, не можетъ надѣяться на средства исправленія, онъ будетъ уничтоженъ «тѣломъ и душой въ Гееннѣ». Богъ отвергнетъ всѣхъ выродившихся и закоренѣвшихъ дѣтей, будучи вѣренъ Своей вѣчной справедливости, Онъ ихъ уничтожитъ». «Великій день Его мести и мести Агнца придетъ». «Страшно впасть въ руки Бога Живого» (Евр. 10, 31). «Я поражу смертью дѣтей ея (Иезавели), и уразумѣютъ всѣ церкви, что Я есмь испытующій сердца и внутренности» (Откр. 2, 23). «Господь Богъ есть огонь поядающій, Богъ ревнитель. Свидѣтельствуюсь вамъ сегодня небомъ и землей, что скоро потеряете землю, не пребудете много времени на ней, но погибнете» (Втор. 24, 26). «Гнѣвъ Божій пребываетъ» (Іо. 3, 36) на непослушномъ» и т. д. (характерный произволь въ цитированіи и истолкованіи текстовъ).

Другіе останавливаются, такъ сказать, на имманентной сторонѣ смерти, какъ уничтоженія. Прежде всего, смягчается самая идея воскресенія для новой и окончательной, «второй» смерти, ибо она неожиданно включаетъ въ себя возможность раскаянія и исправленія послѣ воскресенія³¹⁾. вмѣсто неумолимой справедливости мы имѣемъ здѣсь горькую необходимость и родъ самоубійства со стороны упорствующихъ³²⁾.

«Универсалисты» ставятъ «кондиционалистамъ» вопросъ: «если злые должны быть въ концѣ концовъ уничтожены, то съ какой цѣлью премудрость Божія вызвала ихъ къ существованію»? На это дается отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что Богъ далъ бытіе существамъ не злымъ, но способнымъ избирать добро и зло, цѣнный, но и опасный даръ свободы. «Насильственное безсмертіе связало бы эту свободу. Достойно божественнаго свободолубія (*il est digne du libéralisme de Dieu*) не обязывать жить безконечно существа, которые упорно отрицаютъ рациональныя условія существо-

31) «Воскресеніе мертвыхъ можетъ объясняться какъ послѣднее средство благодати», «*en vue d'érgueue*», Богъ не отвергаетъ совершенно человѣка, который еще не совсѣмъ испорченъ», и «конечное уничтоженіе ожидаетъ только наиболѣе ожесточенныхъ» (*Petavel-Olliff*, 11 204). «Различныя выраженія Писанія позволяютъ намъ вѣрить, что они будутъ подвергнуты новому испытанію, и къ нимъ будетъ обращена специальная проповѣдь» (*ibid.*, 5).

32) «Это есть прогрессивный и неодолимый упадокъ, растущее убываніе двухъ факторовъ человѣческаго существованія, — ощущенія и дѣйствія» (4). «Страшная агонія, а затѣмъ ночь безъ развѣта. Эта душа болѣе не сознаетъ и не реагируетъ. Она была, она любила, она жила; она больше не любитъ, она мертва, она не существуетъ» (11). «Полное разрушеніе человѣческой души будетъ, безъ сомнѣнія, предшествоваемо страданіемъ, соотвѣтственнымъ въ своей интенсивности возрожденной жизненности этой души. Самыя тяжкія муки будутъ сопровождать агонію души, наиболѣе богато одаренной, и разрушеніе наибольшей массы жизненныхъ силъ. Въ этомъ смыслѣ «отъ того, кто получилъ болѣе, болѣе и взыщется» (13). «Страданіе не преминетъ сыграть свою страшную роль въ будущихъ мукахъ, но это только preliminary фаза. Высшее наказаніе положить конецъ индивида только въ болѣзненной гибели въ загробномъ существованіи. Согласно научному закону непрерывности, нераскаянный грѣшникъ станетъ добычей долгаго и печальнаго маразма. Затѣмъ придетъ для наиболѣе непокорныхъ горестное молчаніе, о которомъ говоритъ Писаніе какъ о «смерти второй». «Насъ спрашиваютъ, — что же мы понимаемъ подъ *anéanlissement*? Мы отвѣчаемъ: постепенное уменьшеніе способностей, которыми располагаетъ индивидуальное я, и въ концѣ концовъ угасаніе этой основной способности, благодаря которой, мы обладаемъ другими способностями». «*In dieser Durchdingung des ganzen Seyns vom Tode geht die Persönlichkeit (Lk. 9, 25) im Sterben auf (apoleia); es ist nicht absolutes Nicht-Sein, aber absolute Passivität und Todes-unmacht und Todes-jammer (Beck) (II, 16-17), note 3).*

ванія... Возможность самоубійства, которую Богъ оставля-
етъ для каждого человѣка въ этомъ мірѣ, не есть-ли апа-
логия, которая даетъ намъ понимать возможность самоубій-
ства души и условнаго безсмертія... Конечно, злые сотворе-
ны не для истребленія, но и самое ихъ истребленіе, а кос-
венно и ихъ изначальное сотвореніе, кое-чему послужить.
Воспоминаніе о ихъ конечной судьбѣ (чье и когда?) про-
тивопоставляетъ въ качествѣ устрашающаго барьера для зло-
употребленія свободой въ будущей жизни»³³). Итакъ,
страннымъ образомъ послѣднее наказаніе смертью оказы-
вается торжествомъ тварной свободы: «une immortalité
absolue porterait une grave atteinte à la liberté humaine»³⁴).
«Il est au sens tragique dans lequel l'homme nanti d'une liberté
véritablement sérieuse, peut être plus fort que
Dieu, plus fort que son Sauveur»³⁵). «Грѣшникъ уничтожаетъ
самъ себя»³⁶).

4.

Кондиціоналисты ищутъ для своихъ идей подтвержде-
нія и въ церковномъ преданіи, въ частности въ патристикѣ.
Въ особой главѣ Petavel-Olliff вслѣдъ за White, приводитъ
цѣлый рядъ раннихъ церковныхъ писателей, преимущественно
апостольскихъ и послѣ-апостольскихъ мужей, у которыхъ
онъ находитъ слѣды болѣе или менѣе опредѣленнаго конди-
ціонализма. Сюда относятся: Варнава, св. Климентъ Рим-
скій, св. Игнатій Богоносець, Эрмъ, св. Поликарпъ, св.
Иустинъ Философъ, Таціанъ, Теофилъ Антиохійскій, св. Ири-
ней, Климентъ Александрійскій, Арнобій, Лактанцій, св. Ава-
насій Вел. (de incarnatione), Немезій. Большинство изъ
этихъ цитируемыхъ текстовъ отличаются наивнымъ мора-
лизмомъ, свойственнымъ эпохѣ, и, конечно, эти ранніе пи-
сатели чужды проблематикѣ кондиціонализма, опредѣлен-
ное выраженіе котораго находимъ лишь у Арнобія. Когда
эсхатологическая проблема возникаетъ, мы наблюдаемъ въ
ранней церкви (до V вѣка), два основныхъ теченія, которыя
одинаково исходятъ изъ признанія безсмертія души: уни-
версалистическое (съ Оригеномъ и св. Григоріемъ Нисскимъ
во главѣ) и анти-оригенистическое съ принятіемъ «вѣчныхъ
мукъ», представляемое на западѣ блаж. Августиномъ, на
востокѣ Юстиніановскимъ анти-оригенизмомъ. Признаніе

³³) Ibid., 120-1.

³⁴) Ibid., 151.

³⁵) Ibid., 346.

³⁶) Ibid., 410.

условнаго безсмертія свойственно іудаизму, какъ ортодоксальному во вліятельныхъ теченіяхъ Талмуда, такъ и мистическому, въ Кабалѣ, и философскому у Маймонида (также у Спинозы).

Такимъ образомъ, кондиціонализмъ умѣетъ найти для себя извѣстные опорные пункты и въ преданіи. Однако главная его сила — и, нужно сказать, сила немалая, заключается въ его экзегетикѣ, въ умѣни и настоячивомъ желаніи находить для себя подтвержденіе въ Свящ. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта. Въ этомъ отношеніи его сторонниками произведена большая работа, и ихъ библейская аргументація требуетъ для себя болѣе внимательнаго разсмотрѣнія, нежели то, которое она до сихъ поръ встрѣчала³⁷⁾, какъ со стороны самого изученія текстовъ, такъ и ихъ богословской экзегезы. Въ настоящемъ очеркѣ ограничимся лишь необходимымъ минимумомъ. Кондиціоналисты прежде всего, дѣлаютъ статистическій и текстуальный учетъ тѣхъ библейскихъ текстовъ, какъ Ветхаго такъ и Новаго Завѣта, въ которыхъ говорится вообще объ уничтоженіи, гибели, смерти: въ 100 текстахъ Ветхаго и Новаго Завѣта говорится о томъ, что грѣшники будутъ истреблены. Въ еврейскомъ языкѣ существуетъ 50 корней словъ, означающихъ уничтоженіе живыхъ существъ³⁸⁾. Petavel-Olliff составилъ цѣлую синоптическую таблицу различныхъ выраженій въ Библии, еврейскихъ, греческихъ, для выраженія *notion d'une destruction complète* (1, 349-356), тоже 546, 552). Кромѣ этой общей сводки³⁹⁾, оба автора приводятъ обширныя сопоставленія ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ текстовъ, въ которыхъ говорится о конечной гибели грѣшниковъ и вообще противящихся волѣ Божіей. Болѣе всего такихъ текстовъ имѣется, конечно, въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ псалмахъ и пророчествахъ. Однако даже и поверхностное знакомство съ ними убѣждаетъ, что при всей щедрости псалмопѣвцевъ и пророковъ на эти угрозы, чаще всего они несутъ относительный и, такъ сказать, образный характеръ⁴⁰⁾ и съ

37) Глубковскій, l. c. Salmond. The Christian doctrine of immortality. Edinburgh 1895.

38) Petavel-Olliff, 1, 105; 11, 150.

39) While дѣлаетъ сопоставленіе этихъ выраженій, какъ ἀπόλλυμι, ἔλεθεος и под., въ ихъ значеніи у Платона въ Федронѣ, гдѣ они по смыслу прямо означаютъ уничтоженіе, и у LXX и въ Новомъ Завѣтѣ, съ тѣмъ чтобы и здѣсь примѣнить экзегезу Платоновскаго словоупотребленія (конечно, совершенно произвольно).

40) Вотъ нѣсколько примѣровъ: Пс. 72, 19, 27: «ибо вотъ удаляющіе себя отъ Тебя гибнутъ, Ты истребляешь всякаго, отступающаго отъ Тебя». Ис. 1, 28: «всѣмъ же отступникамъ и грѣшникамъ гибель, и оставшіе Господа истребятъся. Ср. Пс.

трудомъ поддаются эсхатологическому истолкованію (ср. White, 158-162) ⁴¹). Гораздо важнѣе тексты новозавѣтныхъ писателей ⁴²).

Вотъ общій списокъ новозавѣтныхъ выраженій объ участи грѣшниковъ (White, 324-5).

Умереть: «если живете по плоти, то умрете» (Рим. 8, 13).

Смерть: «Ибо возмездіе за грѣхъ смерть» (Рим. 6, 23).

Погибель: «широки врата и пространенъ путь, ведущій въ погибель» (Мѡ. 7, 13).

Вѣчная погибель: «подвергнутся наказанію, вѣч-

29, 20. Наум. 1, 15: «празднуй, Іудея, праздникъ твой, ибо не будетъ проходить по тебѣ нечестивый: онъ совсѣмъ уничтоженъ». (И однако, Ис. 28, 9: «ради имени Моего отлагалъ гнѣвъ Мой, и ради славы Моей удерживалъ Себя отъ истребленія зла»). Вообще въ псалмахъ и пророчествахъ необыкновенно много говорится о погибели нечестивыхъ, причѣмъ очень часто, если не всегда, имѣется въ виду не столько эсхатологическая, сколько историческая погибель.

41) Edward White доказываетъ, что нигдѣ въ В. З. и въ частности Бытін, нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о безсмертіи человѣка, а только о смерти его многосложнаго состава, и что послѣ грѣхопаденія Адама человѣкъ не умеръ лишь силою предваренія будущаго боговоплощенія, которое есть лекарство безсмертія. Онъ приводитъ слѣдующіе тексты относительно смертности человѣка: Юв., гл. 18, 20, 21; Псалтырь: I, II, IX, XXIV, XXXVII, X, IX, XCI, CIII, 9, CIV, CIXII; Прем. Сол. X, 24, XIII, 13, XIV, 12, XV, XXI, 16. Статья Н. W. Fulford. Conditionnal immortality (E. R. E. Hastings, v. III). Главные тексты, приводимые въ пользу I C.: Быт. 2, 16-17; 3: 4, 19, 22-4; Второз. 30: 15, 19, 20; Пс. 21, 4; 37, 10, 20; 49, 20; 73, 19-20; 92, 7; 94, 23; 145, 20; Пр. Сол. 8, 35-36; 11, 19; 12, 28; 24, 20; Ис. 51, 8; Іезек. 18, 26-32; Мал. 4, 1-3; Мѡ. 7, 13-19; 10, 28; 13: 30, 40, 48, 49; 16, 26; Лк. 13, 4-5; Іо. 3, 6, 16; 5, 24, 40; 6, 33-5; 8, 51; 10, 28; 11, 25; 14, 6, 19; 15, 6; Рим. 6, 21-3; 7, 5; 8: 6, 11, 13; 1 Кор. 3, 16-17; 2 Кор. 2, 15-16; 4, 3; Гал. 6, 7-8; Фил. 3, 18-19; 1 Тим. 5, 3; 2 Тим. 1, 9 (ἄθροτος αἰώνιος — единственная фраза въ Н. З.); 1 Тит. 6, 9, 19; Евр. 10, 26-39; 12, 29; Іак. 1, 15; 5, 20; 1 Пет. 1, 23; 4, 18; 2 Пет. 1, 4; 2, 12; 3, 9; 1 Іо. 3, 15; 5, 11-12; Откр. 2, 7, 11; 3, 5; 20, 11-15; 21, 6; 22, 1, 4. Эти мѣста имѣютъ доказат., что человѣкъ не безсмертенъ, безсмертіе есть свойство Бога (1 Тим. 6, 16), смерть въ буквальной смыслѣ есть слѣдствіе паденія, а безсмертіе есть даръ лишь для праведныхъ, что оно условно. Библия нигдѣ не говоритъ о безсмертіи души. Что иераскаянныя грѣшники часто угрожаются смертью, и о нихъ говорится, какъ объ уничтоженныхъ, и что смерть означаетъ безсмертіе души и тѣла (824). Весь вопросъ сосредоточивается около пониманія библейскаго выраженія смерть.

42) Цитаты изъ Н. З. объ участи грѣшниковъ въ смыслѣ уничтоженія въ смерти (378 сл.): Мѡ. 3, 12; 5, 25; 10, 28; 16, 25; (Лк. 9, 25; 17, 23; Іо. 12, 25). Лк. 9, 56; 13, 1-5; 20, 18; 20, 35; Іо. 8, 34-6; 8, 51; 10: 10, 27; 11: 49, 50; Д. А. 3, 22-3; 8, 20; 20, 26; Р. 1, 32; 2, 6-7; 8, 13; 1 Кор. 3, 14; Гал. 6, 8; 1 Тим. 6, 9; Евр. 10, 26-31; 2 Пет. 2, 12; 1 Іо. 2, 17; Іуд. 5, 7; Откр. 2, 7; 3, 5; 21. 8. Ср. таблицу соотв. словъ и выраженій: 387-90.

ной погибели отъ лица Господа и отъ славы могущества его» (11 Фес., 1, 9).

Тлѣніе: «Съющій въ плоть свою пожнетъ тлѣніе» (Гал. 6, 8). «Они какъ безсловесныя животныя..., рожденныя на уловленіе и истребленіе... въ растлѣніи своемъ истребятъся» (2 Пет. 2, 12).

Истребленіе: «и будетъ, что всякая душа... истребится отъ народа своего» (Д. Ап. 3, 35).

Смерть: «И дѣтей ея (Иезавели) поражу смертію» (Откр. 2, 23) и т. д.⁴³.

Въ 12 мѣстахъ Новаго Завѣта мѣсто нераскаянныхъ грѣшниковъ называется геенной. Въ ста мѣстахъ Ветхаго и Новаго Завѣта Писаніе учитъ, что злые будутъ совершенно уничтожены. Сторонники условнаго безсмертія собираютъ всѣ тексты, гдѣ только упоминается смерть и жизнь въ ихъ взаимоотношеніяхъ⁴⁴). Ограничимся нѣкоторыми, наиболѣе трудными, текстами⁴⁵). Рим. 1, 32: «язычники знаютъ праведный (судъ) Божій, что дѣлающіе такія (дѣла) достойны смерти». Рим. 6, 232: «ибо возмездіе за грѣхъ — смерть, а даръ Божій — жизнь вѣчная во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ». Рим. 8, 13: «Ибо если живете во плоти, то умрете, а если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете». Гал. 6, 8: «съющій въ плоть свою пожнетъ тлѣніе, а съющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную». 2 Тим. 6, 9: «похоти... погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу». Евр. 10, 26-31. «...страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ». 2 Пет. 2, 12: «... они, какъ безсловесныя животныя..., рожденныя на уловленіе и истребленіе... въ растлѣніи своемъ истребятъся». Іуд. 5, 7: «...Содомъ и Гоморра, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ».

(Но этимъ и подобнымъ текстамъ, гдѣ говорится о смерти и гибели въ болѣе или менѣе неопредѣленномъ смыслѣ

⁴³) У Petavel-Olliff имѣется еще огромная сводка библейскихъ текстовъ разнаго содержанія на тему о безсмертіи: 1, 368-392. Конечно, въ такой огромной сводкѣ можно встрѣтить случаи и произвольнаго включенія тѣхъ или другихъ текстовъ.

⁴⁴) «Двадцать разъ ап. Павелъ повторяетъ намъ, что смерть есть плата грѣха, la mort sans phrases» (1, 16).

⁴⁵) Интересно наблюдать какъ они справляются съ текстами, неудобными для кондiционализма. Такимъ, безспорно, является 1 Кор. 3, 13-15: «у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ, впрочемъ, самъ спасется, но такъ какъ бы изъ огня». White по этому поводу приговариваетъ (350), чего нѣтъ въ текстѣ: грѣшникъ, если не захочетъ отдѣлиться отъ дѣла, тоже сгоритъ.

слова, можно противопоставлять иные тексты, гдѣ говорится о смерти, несомнѣнно, не въ смыслѣ уничтоженія: Рим. 7, 10-11: «я умеръ, и такимъ образомъ заповѣдь, данная мнѣ для жизни, послужила къ смерти, потому что грѣхъ, взявъ поводъ отъ заповѣди, ободѣлалъ меня и умертвилъ ея». 13: «грѣхъ причиняетъ мнѣ смерть». Ср. Гал. 2, 19; Еф. 2, 1, 5; Кол. 2, 13; Іак. 5, 20; 1 Іо. 3, 14; 1 Тим. 5, 6: заживо умерла — ζῶσα τέθνηκεν).

Однако и самимъ собирателямъ текстовъ приходится считаться съ существованіемъ такихъ, которые не могутъ быть благоприятны для кондиціонализма. Таковыми являются или тѣ тексты, гдѣ говорится о вѣчныхъ мукахъ (Мѡ. 25, 41, 46; Мр. 3, 29; Апок. 14, 9-11; 19, 20; 20, 10) или же гдѣ говорится о Божественномъ милосердіи и спасеніи міра и людей (таковы по White, 416-18, слѣдующіе тексты: Іо. 3, 17; 1, 29; 12, 32; Рим. 5, 15, 18; 1 Кор. 15, 18; Еф. 1, 10; Фил. 2, 9-11; Кол. 1, 19; 1 Тим. 2, 4, 6; 1 Тим. 4, 10; Тит. 2, 10; 1 Іо. 2, 2; 1 Кор. 15, 22; 2 Кор. 4, 13; Откр. 4, 13). Конечно, эти мѣшающіе тексты подвергаются у кондиціоналистовъ соотвѣтствующему истолкованію.

5.

Итакъ, грѣховное и противящееся Богу человѣчество умираетъ и обращается въ ничто, забывается. Его нѣтъ такъ, какъ будто и не было. Оно забывается одинаково въ памяти Божіей, какъ и памяти человѣческой (какъ, очевидно, и въ памяти духовнаго міра, о которомъ кондиціонализмъ въ своемъ богословіи вообще болѣе или менѣе забываетъ). Остается нерушимой лишь свобода твари, которая принимаетъ свое опредѣленіе къ жизни въ Богѣ, или къ возвращенію въ до-тварное ничто. Уцѣлѣвшіе остатки человѣчества (причемъ нѣтъ основаній думать, что ихъ будетъ большинство) получаютъ вѣчное блаженство и собою являются оправданіемъ творенія. Про уцѣлѣвшую его часть можно будетъ сказать, что «будетъ Богъ всяческая во всѣхъ». Этотъ продырявленный міръ и просѣянное человѣчество и составляютъ послѣднюю цѣль творенія, есть его теодицея. Здѣсь упраздняется наличіе вѣчнаго ада, къ которому трудно примѣнить текстъ, что будетъ Богъ все во всѣхъ, иначе какъ въ смыслѣ палящаго огня. Здѣсь дается какъ будто ясный, математически рациональный отвѣтъ на проблему вѣчной жизни, съ согласіемъ Творца признать ошибку въ твореніи, наличіе пустыхъ номеровъ, какъ и согласіе человѣчества на себялюбивое забвеніе казенныхъ самоубійць. Нельзя отрицать простоту и понятность такого

рѣшенія, при всей его парадоксальности. Нельзя отрицать и радикализма мысли и смѣлости въ постановкѣ вопроса, которая можетъ быть плодотворнѣе робкаго замалчиванія. Такъ, въ данномъ случаѣ эта эсхатологическая ересь, подобно другимъ ересямъ, будить догматическую мысль. Тѣмъ не менѣе, мы должны сказать, что теорія условнаго безсмертія есть настоящая ересь, которая включаетъ въ себя цѣлый рядъ догматическихъ заблужденій, и это теперь намъ предстоитъ показать.

Слѣдуетъ начать съ того, что составляетъ все-таки самую сильную сторону кондиціонализма, съ разбора его библейски-экзегетической аргументаціи. Какъ мы видѣли, имъ удалось собрать огромное количество библейскихъ текстовъ, которые говорятъ объ уничтоженіи, гибели и смерти. Нельзя отрицать, что это сопоставленіе само по себѣ, хотя всѣ эти тексты въ отдѣльности, конечно, и извѣстны внимательнымъ читателямъ слова Божія, производить сильнѣйшее впечатлѣніе и способно смутить, если не склонить къ признанію условнаго безсмертія или, что то же, природной смертности человѣка. Однако это первое и, такъ сказать, внѣшнее впечатлѣніе должно уступить мѣсто болѣе внимательному вниканію какъ въ контекстъ, такъ и въ конкретное значеніе каждаго отдѣльнаго текста. Въ Словѣ Божіемъ, дѣйствительно, не говорится о безсмертной душѣ, да эта философская формула вовсе и не характерна для христіанскаго догмата. Послѣдній состоитъ вовсе не въ безсмертіи души, — внѣ отношенія къ тѣлу, но въ безсмертіи человѣка, который не умираетъ до конца даже и въ смерти и воскресаетъ съ тѣломъ силою Христова воскресенія. При этомъ, что не менѣе важно, въ Библии отнюдь не говорится о смерти человѣка, какъ объ уничтоженіи. Вообще Библия говоритъ не въ философскихъ терминахъ, но языкомъ образовъ, которые всякій разъ требуютъ особаго уразумѣнія, причемъ одни и тѣ же выраженія могутъ быть многоразличны и многосмысленны. Поэтому они нуждаются въ экзегезѣ, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ очевиднаго смысла. А эта экзегеза въ извѣстной мѣрѣ опредѣляется всей совокупностью апперцепирующихъ идей, или догматическихъ предпосылокъ, т.-е. преданіемъ, которое содержитъ въ себѣ свидѣтельство Церкви о пониманіи Библии. Библейскій буквализмъ и неправиленъ, ибо «буква мертвитъ, духъ животворитъ», а часто и невозможенъ. И именно языкъ эсхатологическихъ текстовъ въ наименьшей степени поддается буквальному пониманію, поскольку его образность ярко окрашена языкомъ апокалиптической письменности, съ ея фантастикой и синкретизмомъ, какъ это извѣстно каждому,

имѣвшему дѣло съ эсхатологическими текстами. И конечно, языкъ апокалиптической рѣзко отличается отъ параноэтическихъ текстовъ, духовныхъ увѣщаній апостольскихъ, которые имѣютъ дѣло преимущественно съ идеями нравственного порядка. Кроме того, трудная задача въ эсхатологической экзегезѣ состоитъ и въ томъ, чтобы различить разные планы и ракурсы въ эсхатологическихъ образахъ, которые наслаиваются одинъ на другой по образу горныхъ цѣпей въ перспективѣ. Поэтому буквальное толкованіе текстовъ часто вообще невозможно, а та догматическая экзегеза, которую даютъ кондиціоналисты, отнюдь не безспорна и отнюдь не есть единственно возможная. Она обусловлена опредѣленными богословскими предпосылками, которыя и нужно выдѣлить и провѣрить въ свѣтъ болѣе основныхъ и общихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уже установленныхъ Церковью догматическихъ истинъ.

Въ частности основныя понятія, которыми оперируетъ теорія условнаго безсмертія: жизнь, смерть, погибель, истребленіе, разрушеніе и т. д., также не однозначны, но многозначны. Въ частности и то понятіе смерти, какъ и жизни, изъ котораго исходитъ кондиціонализмъ, вовсе не самоочевидно. Это явствуетъ уже изъ того факта, что такъ, какъ понимались они въ теоріи послѣдняго, раньше ихъ никто не понималъ. Кондиціонализмъ упрощаетъ понятіе жизни и смерти до простого биологическаго сопоставленія. Зоологической биологизмъ есть общая схема этого богословія. Жизнь и смерть здѣсь одинаковы для человѣка и животнаго. Человѣкъ есть животное, которое отличается отъ животнаго міра лишь нѣкоторыми свойствами, не тѣмъ, что ему самому принадлежитъ, но что даетъ ему Богъ, именно условное безсмертіе. (Это нѣсколько напоминаетъ католическую схему: *natura u donum supernaturale*). Оно дается ему сначала чрезъ вкушеніе плодовъ древа жизни, т.-е. физическимъ средствомъ, а затѣмъ восстанавливается чрезъ физическое же соединеніе Бога съ человѣкомъ въ боговоплощеніи, которому такъ усваивается именно такое биологическое значеніе. Имъ дается физическое безсмертіе, и этимъ оно исчерпывается, такъ что нѣтъ и рѣчи о преображеніи, обоженіи, прославленіи человѣка. Съ этой точки зрѣнія становится даже непонятнымъ, почему боговоплощеніе совершилось именно въ человѣкѣ, разъ онъ не отличается отъ животнаго міра, а не въ какомъ-либо изъ животныхъ, если это понимается лишь какъ физическое лѣкарство безсмертія. И, съ другой стороны, является необъяснимымъ то предварительное дѣйствіе боговоплощенія, которое оно оказываетъ прежде своего свершенія въ сохраненіи жи-

зни человекѣ на землѣ и за гробомъ. Излишне говорить, что загробное существованіе теряетъ здѣсь всякое самостоятельное значеніе въ судьбѣ человекѣ и представляетъ собой только промежуточное состояніе между смертью и воскресеніемъ. Здѣсь существенный пробѣлъ въ эсхатологической кондиціонализма.

Человѣкъ для него есть одно изъ живыхъ существъ въ этомъ мірѣ, имѣющее и относительную жизнь. Въ этомъ основномъ опредѣленіи со всей очевидностью проявляется отсутствіе въ богословіи кондиціонализма одинаково какъ антропологии, такъ и космологии, что въ данномъ случаѣ одно и то же. Человѣкъ не есть для него тварный богъ, и не есть центръ и владыка міра. Характерно здѣсь это поверхностное истолкованіе образа Божьяго въ человекѣ. За нимъ не признается онтологическаго значенія въ смыслѣ богоподобія и причастности Божества. Недостаточно оцѣнивается и тотъ фактъ, что Богъ сотворилъ человекѣ въ исполненіи предвѣчнаго совѣта во Св. Троицѣ по образу Нашему (Быт. 1) и, творя человекѣ изъ земли, самъ дыханіемъ Своимъ, т.е. изъ Себя Самого, вдунулъ въ него «душу живу», которую кондиціоналисты отождествляютъ съ «душою живою» животныхъ. Справедливо говорятъ кондиціоналисты, что человекѣ не имѣетъ, какъ особаго начала, безсмертной души, временно заключенной въ смертномъ тѣлѣ, какъ темницѣ или футлярѣ, и ждущей отъ него освобожденія. Такова восточно-платоническая доктрина. Человѣкъ имѣетъ духъ, предназначенный для безсмертной жизни въ тѣлѣ, которая, хотя и нарушена относительно смертью вслѣдствіе грѣха, но будетъ восстановлена въ воскресеніи. Однако, кондиціоналисты дѣлаютъ отсюда то ошибочное заключеніе, что человекѣ вовсе не имѣетъ въ себѣ безсмертнаго божественнаго начала, и даже видятъ въ признаніи его ересь пантеизма⁴⁶). Однако мы имѣемъ слово Откровенія, что Богъ вдунулъ въ человекѣ и зъ Себя дыханіе жизни. Это значитъ, что человекѣ въ духѣ своемъ имѣетъ нетварное начало Божества, которое однако имѣетъ для себя сотворенную Богомъ по образу

⁴⁶) Какъ ни странно, они имѣютъ здѣсь себѣ предшественника въ своемъ главномъ антагонистѣ — блаж. Августинѣ, который, въ качествѣ церковнаго ученія выставляетъ положеніе, что духъ (душа — anima) человекѣ созданъ Богомъ изъ ничего (*De anima et eius origine*, lib. III-V. Migne Patr. s. l. t. 44. *Noli ergo credere, noli ergo dicere, noli docere, quod non de nihilo, sed de sua natura fecit animam Deus, si vis esse catholicum* (I. III. c. V., 7, col. 5, 16). Въ этомъ бл. Августинъ становится въ прямое противорѣчіе съ Библіей, свидѣтельствующей, что Богъ, создавъ изъ земли тѣло человекѣ, изъ Себя вдунулъ въ него дыханіе жизни.

Своему впостась⁴⁷⁾. Такимъ образомъ, человѣкъ имѣеть въ себѣ нетварно-тварное начало, принадлежитъ вѣчности божественнаго міра⁴⁸⁾, хотя самобытное личное бытіе получаетъ лишь въ тварности своей. Къ этому же надо присоединить, что человѣкъ, какъ центръ творенія, преназначенный господствовать надъ нимъ, имѣеть въ духовной своей природѣ причастность Божественной Софіи, въ мірѣ же, тварной Софіи, онъ есть человѣкомірѣ, и «радость» Божественной Премудрости «въ сынахъ человѣческихъ». Черезъ это человѣкъ стоитъ въ центрѣ міра, но также и надъ міромъ. Принадлежа къ тварноживотному міру, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и богъ по благодати⁴⁹⁾. И здѣсь нечего пугать пантеизмомъ, какъ это дѣлается нерѣдко, въ частности, и въ данномъ случаѣ. Пантеизмъ въ дурномъ смыслѣ означаетъ тождественность міра Богу, а не одну лишь причастность его Божеству. Если человѣкъ сообразенъ Богу, то это значитъ, что и Богъ сообразенъ человѣку. Богочеловѣчество соединяетъ Бога и человѣка, есть Богочеловѣчество вѣчное, небесное, какъ есть и богочеловѣчество тварное. Только на основаніи этой с о о б р а з н о с т и Бога и человѣка можетъ быть онтологически понято боговоплощеніе, какъ усвоеніе Логосомъ человѣческой природы, соединеніе въ одной впостаси двухъ природъ, или двухъ волей, божеской и человѣческой. Въ христологіи кондиціонализма боговоплощеніе принимаетъ характеръ онтологическаго абсурда: Богъ воспринимаетъ... животное естество человѣка, не имѣя съ нимъ никакой онтологической связи. Отсутствіе антропологіи въ кондиціонализмѣ необходимо ведетъ и къ отсутствію христологіи.

Итакъ, человѣку принадлежитъ, по божественному его происхожденію, природное безсмертіе. «Богъ единый имѣеть безсмертіе» (1 Тим. 6, 16) въ Себѣ, но человѣкъ имѣеть безсмертіе въ Богѣ. Нельзя не отдать справедливости конди-

⁴⁷⁾ У Peiavel-Olliff (1, 171) находимъ слѣдующее невразумительное опредѣленіе духа: *L'esprit est exclusivement l'origine (!) qui perçoit le divin, c'est le sens moral et religieux, ce qu'on pourrait appeler en un seul mot spiritualiste...* Dans le plan divin l'esprit de l'homme en communion vivante avec l'Esprit de Dieu devait pénétrer l'âme, et par elle régner sur le corps et sur tous ses organes.

⁴⁸⁾ Напротивъ, въ кондиціонализмѣ мы имѣемъ слѣдующее заключеніе относительно образа Божія въ человѣкѣ: *Il portait en lui un fragile miroir de la divinité, le miroir est brisé, et l'homme n'est plus que l'enfant de la poudre. Tiré de la terre, le premier homme n'était que poussière, dit l'apôtre (ibid., 164).*

⁴⁹⁾ Развитие всѣхъ этихъ мыслей, см. въ Агнцѣ Божіемъ.

ціоналістамъ въ ихъ критикѣ раціональныхъ доказательствъ безсмертія души, начиная съ Платоновскаго Федона (что сдѣлано было еще Кантомъ),⁵⁰), ибо безсмертіе подлинно присуще одному Богу, но и тому, что богопричастно, какъ человѣкъ⁵¹).

Это парадоксальное антиномическое понятіе живого образа Божія, какъ сотвореннаго бога, именно и характеризуетъ человѣка. Какъ твореніе, человѣкъ имѣетъ осуществить то заданіе, которое вложено въ него его богопричастностью и въ этомъ смыслѣ несотворенностью, она же есть сила безсмертія. Это безсеертіе въ тварности его изначала есть потенціональное безсмертіе, которое начинается съ *posse non mori*. Это фактическое безсмертіе вслѣдствіе грѣхопаденія нарушается смертью, хотя и не абсолютной, а лишь относительной, но восстанавливается въ Христовомъ воскресеніи уже какъ *non posse mori*, какъ положительная сила безсмертія. Она дана Богочеловѣкомъ, но могла быть принята человѣкомъ какъ ему сообразная.

Полнота образа Божія въ человѣкѣ есть личность, живущая въ своей собственной природѣ, причастная тварной Софіи, включенная въ міръ, въ полноту творенія. Личность, понятая въ этой полнотѣ жизни, есть *ens realissimum* въ твореніи. Полнота образа Божія въ человѣкѣ, коренящаяся въ личности, выходитъ и за личность, какъ монаду, въ многоединство всего человѣчества. Можно сказать, что образъ Божій въ полнотѣ принадлежитъ даже не человѣку въ его единоличности, но человѣчеству въ его соборности, въ любви, по образу единосущнаго тріединства Божія.

Вотъ эта то изначальная богопричастность человѣка, дѣлающая его нетварно-тварнымъ, и содержитъ въ себѣ силу безсмертія, въ сверхвременности или вѣчности человѣческой личности, сознание чего дано ей въ непосредственномъ актѣ

⁵⁰) Ср. очеркъ проф. С. Н. Трубецкаго: Безсмертіе души. Сочиненія, т. III (Вопр. фил. и псих., №№ 63, 70, 71, 72).

⁵¹) Богопричастность принадлежитъ не одному лишь человѣку, но и ангельскому міру. Для кондиціонализма характерно отсутствіе вниманія къ ангелологии (которая существуетъ для него лишь какъ сатанология). Иначе онъ долженъ былъ бы стать передъ вопросомъ о природномъ безсмертіи ангеловъ, именно въ силу ихъ богопричастности, въ которой ангелы не отличаются отъ человѣка. Проблема ангелологии должна была бы необходимо привести къ пересмотру и ученія о безсмертіи четовѣка. Ангеламъ свойствененъ образъ Божій, какъ и человѣку. Въ отношеніи къ богопричастности своего духа человѣкъ не отличается отъ ангеловъ, будучи отличенъ отъ нихъ въ томъ, что, имѣя тѣло, въ немъ становится причастенъ міру, какъ его центръ и господинъ.

самосознанія: я есмь я. Въ этомъ качествѣ я, я самъ себѣ принадлежу, самъ собою полагаюсь, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сотворенное я, я самъ себѣ и данъ. И это не пантеизмъ, но это, конечно, панэнтеизмъ, исповѣдуемый апостоломъ: «ибо все изъ Него, Имъ и къ Нему» (Р. 11, 36).

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ)

Протоіерей С. Булгаковъ.

Лѣто 1935 года.
